

Енох хотел вернуть свое зеркальце.

Отнять его силой было немислимо.

На всем Северном континенте не было никого способного забрать сокровище у дракона.

Но если он будет использовать коварство, то шанс успеха будет гораздо выше.

И в самом деле, после его просьбы дракон вытащил откуда-то ручное зеркальце с выгравированными ангельскими крыльями.

Енох тут же протянул к нему обе руки.

Ахерос улыбнулся и отступил назад: — Я подержу его для тебя. Можешь лишь посмотретья в него.

Енох сдержал желание броситься вперед и вырвать зеркало. Он крепко сжал губы, чтобы не показать оскаленные демонские клыки. Тихим, но раздраженным голосом он четко и раздельно сказал: — Ну, тогда ладно.

Договорив, он наклонился, чтобы посмотретья в зеркальце.

Но злой дракон снова убрал зеркальце: — Разве так ты должен говорить?.

Два острых клыка маленького демона немедленно были оскалены, выражение лица стало мрачным и злым, хотя и не слишком устрашающим: — А как я должен?

— Твой хозяин держит для тебя зеркало, — злой дракон помахал рукой с зеркальцем, а затем любезно намекнул, — 452-й, что ты должен сказать?

Глаза мелкого демона вспыхнули гневом, а отрава ненависти была готовами излиться слезами. Сквозь сжатые зубы он процедил: — Б-благодарю х-хозяина.

Но Ахерос выглядел весьма довольным.

Расположив зеркальце с рельефом ангельских крыльев поудобнее перед Енохом, он взглянул в подобные сапфирам глаза низшего демона, спросив: — Нравится?

— Прекрасно, прекрасно! — ответил Енох и сияние его глаз отразилось в зеркале.

Он искренне любил этот большой золотой самоцвет, чей цвет так походил на ангельские нимбы.

Енох вновь коснулся камня, и в его голове возник план. Он пробормотал: — Владыка Ахерос~

— Хмм?

Ахерос чуть приподнял ресницы, и пара золотых глаз сверкнула ледяным блеском, словно вобравшим в себя весь холод преисподней и совершенно неподходящим их цвету, но, тем не менее, его голос источал обманчивую нежность.

Кончики пальцев Еноха продолжали ласкать самоцвет. Чувствуя исходящую от камня прохладу, он на краткий миг испытал ощущение, словно он на самом деле прикасается к глазу дракона.

Видя, что тот продолжает хранить молчание, Ахерос спросил еще раз: — Что ты хотел сказать?

Енох отогнал наваждение и продолжил: — Подаренный вами драгоценный камень столь прекрасен, что я жажду ежедневно любоваться его великолепием. Но в моей спальне нет зеркала, и я подумал...

Ахерос прервал его: — В моей спальне есть.

Енох: — ?

Что хорошего в том, что в твоей спальне есть зеркало? Я хочу свое ангельское ручное зеркальце!

Но Ахерос убрал зеркальце, которое Енох всей душой желал вернуть.

Енох бессильно смотрел на исчезновение своего зеркальца, а затем так яростно уставился на злого дракона, словно пытался взглядом разорвать халат злодея на мелкие клочки, или и вовсе испепелить.

Однако, Енох действительно хотел сорвать халат с Ахероса, не понимая — как этот злой дракон, никогда не одевающийся подобающе и разгуливающий в халатах, не закрывающих даже груди, ухитряется где-то прятать и самоцветы, и "ангельское" ручное зеркальце?

Неужели халат злого дракона обладает свойствами артефакта хранения?

В этот момент дракон спросил: — Разве ты не рвался осмотреть мою спальню?

Задумавшийся Енох неожиданно для себя ляпнул: — Я так же хочу осмотреть ваш халат.

Бровь злого дракона поползла вверх, но вместо отказа он согласился: — Почему бы и нет, приходи в мою спальню и посмотришь.

— Кстати, можешь воспользоваться и зеркалом в моей спальне, а заодно...

Ахерос сделал краткую паузу, наклонился, и золотая серёжка в виде перевёрнутого креста, свисавшая с его уха, коснулась ключицы Еноха, заставив его поежиться от пробежавшего по коже холодка: — ...поможешь мне с другим важным заданием, связанным с "наведением порядка".

Чувствительная шея Еноха вздрогнула, на миг напрягшись, но с его нежного личика с ладонь размером окончательно исчезло былое недовольство, и на нем расцвела улыбка, подобная ранней майской розе — яркая, очаровательная и прекрасная.

Он радостно ответил: — Я ежедневно буду приходить в вашу спальню, чтобы посмотретья в зеркало.

Ахерос вернул ему улыбку и добавил: — Но помни, приходи после полудня.

Енох не обошелся формальным согласием, а энергично закивал: — Я запомню, Владыка Ахерос.

Чтобы не пропустить этого важного времени, а заодно как следует нахвастаться преобразившимся ошейником, Енох поспешно вернулся в свое обветшалое рабское жилище для краткого сна. Уже с рассветом он вылетел из дверей, мурлыча себе под нос и бесцельно блуждая по замку с мыслями о том, что сегодня он станет на шаг ближе к сокровищам злого дракона.

Порхая там и сям, Енох вдруг заметил возле винтовой лестницы полупрозрачную зелёную фигуру в униформе слуги, смотрящую на него.

Он подлетел на полной скорости и затормозил возле зелёной фигуры, легко взмахивая крыльями, чтобы оставаться в воздухе, затем с надменным видом откашлялся: — Кхм-кхм... 250-й, стой!

— 452-й, я и так давно здесь стою, — ответил 250-й, сохраняя неподвижность и шевеля лишь губами.

Енох: — ...

Он решил проигнорировать слова 250-го.

Спустившись чуть ниже, он закружился в воздухе перед 250-м.

И во время его вращения юбка горничной раскрылась словно нежнейшие лепестки, обрамляя златокудрого юношу с матово-бледной кожей и алыми губами.

Когда вращение остановилось, щёки юноши от возбуждения покрылись нежным румянцем, он приподнял подбородок, старательно демонстрируя ошейник со вставленным в него самоцветом, и со скромным видом спросил: — Ты заметил во мне сегодня что-то новое?

Яркий утренний свет проникал через мозаику оконного стекла окон. Одни лучи касались его словно яркие бабочки, решившие передохнуть на его одежде, а другие, подобно метеорам, падали в глубину голубых озер его глаз, продолжая сиять и на дне.

250-й смотрел на юного демона, чьи щеки покраснелись от возбуждения, и чувствовал, что краснеет сам, но его лицо хранило все то же глуповатое выражение: — Ты... ты сияешь сильнее.

— Хе-хе-хе~ Значит, ты не слепой, — решив, что 250-й ошеломлен сверканием большого золотого самоцвета на его ошейнике, Енох еще больше задрал нос, а его глаза изогнулись полумесяцами, — Теперь я благородный раб с драгоценным ошейником, в отличие от вас, бедных рабов, не способных позволить себе такое великолепие. Впредь относись ко мне с большим почтением, понял?

250-й немедленно согнулся в поклоне: — Слушаюсь, Владыка 452-й.

Енох перестал улыбаться, и его лицо внезапно стало свирепым, когда он грозно посмотрел на того: — Владыка Енох!

250-й снова поклонился: — Простите, Владыка 452-й, в знак извинения я готов поцеловать пальцы ваших ног.

— ... Почему мне кажется, что ты стремишься именно к этому? — Енох заколебался, — Ладно, сегодня мое настроение не способен испортить такой пустяк, разок можно и простить тебя.

250-й с сожалением вздохнул.

Впрочем Енох слишком внимательно разглядывая пухлую, вышитую казавшимися живыми ландышами подушку в руках 250-го, и не услышал этот вздох.

Енох погрузился в размышления — подушка 250-го выглядела столь тёплой и мягкой, что спать

на ней, наверное, было гораздо удобнее, чем на его собственной жёсткой подушке с хлопковым наполнителем. К тому же, слизнем-рабом не трудно управлять. Может быть он, не сумев ограбить Ахероса, справится с 250-м?

— 250-й, что ты держишь в руках? Дай посмотреть.

Задав вопрос для вида, Енох не стал дожидаться, когда 250-й отдаст ему подушку, а сразу ухватился за нее.

Но 250-й даже не препятствовал Еноху забрать подушку и честно ответил: — Я купил себе новую подушку.

Енох обнял подушку, жамкая её с обоих боков, и обнаружив, что она в самом деле очень мягкая. Он уткнулся в неё лицом, потираясь то одной, то другой щекой, так что его кудрявые золотые волосы совсем растрепались. Наконец, расслышав ответ 250-го, он замер, поднял голову и с изумлением пробормотал: —...Купил?

— У тебя все ещё есть деньги? — выражение лица маленького демона было совершенно ошеломленным.

250-й тоже опешил: — А разве у тебя нет?

Енох: — ...

— У меня... мы же все рабы Ахероса... — Енох схватил подушку, сжав её мёртвой хваткой так сильно, как горло злого дракона в своих фантазиях, и с изумленными неверящими глазами воскликнул, — Разве у рабов могут быть деньги?

— Конечно, — сказал 250-й, — Владыка Ахерос не платит нам зарплату, но он не заставляет сдавать уже имеющееся имущество.

Зрачки Еноха задрожали, а его голос был готов сорваться: — Но я сдал... Нет, он отобрал мое имущество!

— О, нет...

Маленький демон испустил отчаянный вопль, швырнул облапанную подушку обратно в лицо 250-му и со всех сил устремился к главной башне замка, на седьмой этаж — к логову злого дракона.

Ярость Еноха привела его на грань потери рассудка.

Пылая гневом, он подлетел к спальне Ахероса и, уже занеся руку для удара в дверь, он в последний момент вспомнил, что полдень еще не наступил. Если сейчас он потревожит сон злого дракона, то подвергнется болезненному наказанию, о чем он был предупрежден прошлой ночью.

Енох пришел в себя и отдернул кулак от двери.

Вспышка гнева сожгла все его силы, и на полёт их уже не осталось. И оттого он рухнул на холодные плиты пола, едва не доведя себя яростью до обморока. Он едва избежал этой опасности, как его глаза вновь вспыхнули от злости.

— Проклятый ад... проклятый Ахерос...

Енох сжал кулаки и еле слышно ругался, не смея делать это во весь голос. Он лишь раз осмелился прошептать имя злого дракона сквозь зубы, неразборчиво бормоча проклятия. Но едва он выругался, как массивная дверь за его спиной отворилась.

— Разве я не говорил тебе не тревожить моего сна умышленно?

Низкий и хриплый мужской голос обрушился на него подобно ледяному ветру, неся пронзительно холодное ощущение занесенного над ним клинка.

Спина Еноха покрылась мурашками — он же так тихо ругался! Как злой дракон мог проснуться от этого?

Нельзя, абсолютно нельзя признавать то, что он обругал дракона!

Енох поспешно нагнул голову, а руками закрыл глаза, подрагивая плечами. Он сделал вид, что плачет, начав притворно всхлипывать: — Владыка Ахерос... я... мне вспомнилось нечто печальное, и я не смог сдержать слёз... Вы сказали не будить вас специально, а я ведь не нарочно...

— Я правда тихо плакал...

Подготовив почву, Енох счёл, что этого достаточно, и перешел к истинной цели своего замысла, обвинив злого дракона: — Это просто у вас самих слишком чуткий сон!

— Ну хорошо, мой сон слишком чуткий. А что насчет тебя?

Ахерос взглянул маленького демона, прижавшегося к косяку двери, наклонился, отвел его пальцы от лица и с холодной усмешкой спросил: — Ты сказал, что плакал? Где твои слёзы? Опять притворяешься?

Глаза маленького демона действительно, но они не были слишком влажными. Вместо этого голубые глаза были полны нескрываемым раздражением, досадой и желанием скрипеть зубами.

— Мои горькие слезы... Я опять проглотил их.

Енох уцепился за дверной косяк, пытаясь выдернуть руку из ладони злого дракона. Но дёрнув несколько раз, он так и не смог ее вытащить, так что он просто сдался и, продолжая сидеть на полу, задрал своё белоснежное личико, встречая взгляд Ахероса, и в ответ спросил: — Вы только спрашиваете, где мои слёзы. Почему вы не спросите отчего я плачу?

—

250-й (зарывшись лицом в подушку): — Спасибо за подарок этому демону!

<http://bllate.org/book/15719/1406674>